

УДК 316.7:94(47+430)

doi 10.17072/2219-3111-2019-4-41-49

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ В ОБЪЕКТАХ ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Ю. А. Еременко

Социологический институт РАН, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14
eremenko.iuliia@gmail.com

Статус объекта Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО (далее ВКН) присуждается объектам на основании критериев, которые фиксируют определенный исторический отрезок, к которому объект относится. Выясняется, какую роль играет историческая память в подаче заявки на получение этого статуса, является ли для акторов, участвующих в подаче заявки, обладание данным статусом способом демонстрации ценности сохранения исторической памяти или чем-то иным? Материалом для статьи стали интервью с представителями городской администрации, локального бизнеса, сотрудниками туристического центра и местными активистами в двух российских (Великий Новгород, Псков) и двух немецких (Висмар и Штральзунд) городах. Исследование показало, что получение статуса ВКН имеет целью в том числе сохранение исторической памяти. Однако первоначальной целью получения статуса ВКН для администрации городов, находящихся на территории современной России, было выполнение предписания, поступившего от Совета Министров СССР после принятия постановления об обеспечении выполнения советской стороной обязательств, вытекающих из Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. Для немецких городов статус ВКН обладает в первую очередь символической ценностью – означает признание того, что эти города, находившиеся на территории ГДР, также обладают культурной ценностью, как и города на территории ФРГ. В Великом Новгороде и Пскове активное участие в подаче заявки принимали местные активисты, но в рамках исследования было установлено, что уровень вовлеченности местных активистов с получением статуса ВКН снижается.

Ключевые слова: историческая память, культурное наследие, объекты Всемирного культурного наследия, города Всемирного культурного наследия, исторические памятники.

Введение

В XX–XXI вв. постепенно происходит изменение представлений о ценности сохранившихся городских строений. Значимость сохранения памяти о событиях, связанных с этими строениями, определяется по-разному. Так, начиная с 1972 г. одним из способов обоснования ценности архитектурных объектов является присуждение им Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее ЮНЕСКО) статуса Всемирного культурного наследия (далее ВКН). Однако этот статус не служит формой институционализации исторической памяти.

В статье предпринята попытка выяснить, является ли для локальных акторов присуждение городу статуса объекта ВКН способом институционализации исторической памяти. Выдвигается гипотеза о том, что получение статуса объекта ВКН имело целью сохранение исторической памяти. С этой целью рассмотрены теоретические подходы к исторической памяти и то, каким образом происходит институционализация объектов ВКН. Далее обсуждаются результаты эмпирического исследования и делаются выводы о взаимосвязи исторической памяти и статуса ВКН.

Подходы к исторической памяти и институционализации

В 1997 г. Алон Конфино в статье «Коллективная память и культурная история: проблемы метода» писал о том, что «понятие "память" заняло место главного термина, в последнее время, возможно, самого важного термина в культурной истории» [Confino, 1997, с. 1386]. Зачастую понятие «историческая память» воспринимается как обозначение индивидуальной или коллективной (социальной) памяти, то есть происходит репрезентация исторического прошло-

го, наполнение его символикой, что вызывает изменение в понимании людьми некоторых исторических фактов.

Историческая память является не только одним из основных каналов передачи знаний, о минувших событиях, но и важнейшей составляющей самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом. Именно оживление разобщенных образов событий прошлого становится таким типом памяти, который необходим для конституирования разобщенных социальных групп в условиях глобализации. Запечатленные коллективной памятью образы различных событий принимают форму разнообразных культурных стереотипов, символов, исторических мифов, выступая в роли интерпретационных моделей, которые позволяют индивидам, социальным группам и обществу в целом осваиваться в мире и в конкретных ситуациях. Историческое знание и социальная память все чаще выполняют роль «маяка», ориентира (зачастую и в морально-этическом плане).

Понятие «историческая память» необходимо рассматривать как сложный социокультурный феномен [Сафронова, 2018, с. 12], который неразрывно связан с изучением и пониманием исторических событий и исторического опыта. При этом неважно, реальный и/или воображаемый это опыт. Данное понятие является лучшим инструментом для манипуляции массовым сознанием в политических целях. Выделяют несколько уровней исторической памяти: общенациональный (национальный), локальный (отдельных этнических групп) и личностный. В соответствии с этими уровнями различают коллективную, групповую и индивидуальную формы исторической памяти. Историческую память определяют как способ сохранения и трансляции прошлого, как коллективную память о прошлом, социальную память о прошлом, индивидуальную память о прошлом [Савельева, Полетаев, 2004, с. 51].

Изучая механизмы формирования и функционирования исторической памяти, необходимо опираться на теоретические положения, концептуальный аппарат и методологический инструментарий, использованные в исследовании социальной и культурной памяти, разработанные в смежных дисциплинах и широко представленные в социально-гуманитарной (социологической, психологической, философской, лингвистической) литературе XX в. Значимый вклад в изучение исторической памяти внесли: Э. Ренан, М. Хальбвакс, Я. Ассман, П. Нора и др.

Согласно концепции Мориса Хальбвакса, память индивида способна существовать в силу того, что индивид является уникальным продуктом нетривиального пересечения групп, его память структурируется благодаря групповым идентичностям. Память имеет социальную природу, это обусловлено тем, что события запоминаются и забываются. М. Хальбвакс ввел понятие коллективной памяти как социального конструкта. Социальные группы, задавая и воспроизводя образцы толкования событий, выполняют функцию поддержания конструирующей их коллективной памяти, а также её реорганизации с целью адаптации к изменившимся условиям их существования [Хальбвакс, 2007, с. 19]. Однако ряд авторов считают подход М. Хальбвакса слишком радикальным и, ссылаясь на него, уточняют, что современные потребности социальных групп не могут полностью навязывать свои реконструкции прошлому: коллективная память может переформатироваться лишь частично и зависит от предыдущих коммеморативных традиций [Armstrong, Crage, 2006, p. 725].

В силу того что память создается определенной социальной группой, которую она объединяет, появляется множество вариаций памяти, равное количеству социальных групп. Из этого можно сделать вывод о том, что память разнообразна, хотя формирует некое коллективное целое. То есть историческая память трактуется как совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне.

В процессе введения понятия «историческая память» в исторические исследования, наряду с устоявшимися терминами, такими как воспоминание, традиция, появляются специфические термины, такие как «социальные рамки памяти», «места памяти» и др. По мнению П. Нора, интерес к местам памяти, где память обретает свою форму и находит условное убежище, напрямую связан с пониманием необходимости разрыва с прошлым и интеграции с разобщенной памятью: «Места памяти – это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории <...> Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности» [Нора, 1999, с. 26].

В статье разграничиваются два понятия: «историческая память» и «историческая ценность». Историческая память связана с осмыслением исторических событий, историческая ценность – с присвоением определенным объектам статуса «ценность» на основании связи объекта с историческими событиями. В данной статье не оспаривается тот факт, что объект Всемирного культурного наследия обладает исторической ценностью. Предпринимается попытка выявить роль исторической памяти в присвоении объекту статуса ВКН.

В наши дни происходит перманентная актуализация и адаптация прошлого. Можно соотнести данный процесс с пугающими темпами прогресса современного общества, со всеобъемлющей футуризацией жизни, которая зачастую создает психологический дискомфорт для среднестатистического члена общества, не поспевающего за стремительным обновлением и модернизацией быта. Люди на подсознательном уровне ищут в прошлом некую стабильность, предсказуемость и простоту, обретая умиротворение, которое не получают в настоящем. В современном обществе, как считает Г. Люббе, «пристальное внимание к артефактам прошлого и активное участие в ритуалах объясняется тем, что усилиями исторического сознания компенсируется утрата чувства знакомого в культуре, утрата, обусловленная темпом изменений. Необходимость таких усилий увеличивается прямо пропорционально процессу модернизации» [Люббе, 1994, с. 98]. Проявление интереса к объектам памяти в настоящее время неразрывно связано с ощущением того, что ход времени значительно ускорился в результате стремительного развития подавляющего большинства сфер жизни общества.

Исходя из этого возникает необходимость институционализировать историческую память, в том числе с помощью международных организаций, таких как ЮНЕСКО. В последней вопрос определения термина «историческая память» поднимался, например, в выступлении Специального докладчика ООН в области культурных прав о написании и преподавании истории: «Память относится к способам, которыми люди конструируют смысл или значение прошлого и ... соотносят это прошлое с их настоящим в акте запоминания» [UNESCO, 2014]. При этом специалисты ЮНЕСКО признают, что ценности объектов наследия, будь то природные или культурные, закрепляются за ними в силу убежденности в том, что эти ценности существуют применительно к конкретному месту [Fredheim, Khalaf, 2016, p. 466].

Согласно авторам работы «Возвращение общества: символы, практики и институциональные противоречия», институты являются «надорганизационными моделями деятельности, коренящимися в материальных практиках и символических системах, с помощью которых отдельные люди и организации производят и воспроизводят свою материальную жизнь и придают смысл своему опыту» [Friedland, Alford, 1991, p. 233]. В свою очередь, институциональная логика является «совокупностью материальных практик и символических конструкций» [ibid., p. 248]. Институциональные логики «символически укоренены, организационно структурированы, политически защищены, имеют технические и материальные ограничения и, соответственно, определенные исторические рамки» [ibid., p. 248–249].

Институциональная логика позволяет нам дать ответ на вопрос о том, как в целом возможно создание списка объектов Всемирного культурного наследия. Так как в случае с культурным наследием каждый человек приписывает объектам различный уровень ценности, он может составить собственный перечень объектов культурного наследия: «Все объекты и территории воспринимаются индивидуально, так как мы смотрим на них сквозь призму нашего отношения, опыта и намерений, из наших собственных уникальных характеристик» [Relph, 1976, p. 36]. Составление приемлемого списка объектов культурного наследия является трудной задачей, так как каждый член группы должен согласиться ценностью объектов в этом списке. Кроме того, организации и отдельные лица могут использовать статус ВКН для получения преимуществ, например, экономических или политических. Они могут выражаться в увеличении туристических потоков и связанном с ним росте экономического благосостояния. Исходя из этого для составления списка объектов ВКН требовалось определить четкие критерии.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия была составлена таким образом, чтобы объекты национального культурного наследия и объекты ВКН могли сосуществовать бок о бок друг с другом. Конвенция ВКН имела целью «дополнить, но не конкурировать с национальными программами сохранения наследия» [Bennett, 1977, p. 22]. Список объектов всемирного культурного наследия чаще всего состоит из объектов местного и нацио-

нального наследия [Ashworth, 1998, p. 117–118; Ashworth, 1997, p. 12; Pocock, 1997, p. 267]. Однако не каждый объект национального культурного наследия может стать объектом ВКН. Объекты должны отвечать, по крайней мере одному из шести культурных критериев, сформулированных ЮНЕСКО, и обладать «выдающейся универсальной ценностью», но последний критерий точно не определен в тексте Конвенции [Cleere, 1998, p. 23]. Например, объекты национального наследия могут иметь отношение к военным действиям, и включение их в список объектов ВКН может быть негативно воспринято потерпевшими поражение группами.

Под объектами ВКН согласно нормативным актам ЮНЕСКО понимаются объекты, представляющие выдающуюся художественную, историческую и научную общечеловеческую ценность: архитектурные сооружения, картины и скульптуры, стелы, надписи на камне с археологическими элементами и пещеры и т.д. Существуют три группы объектов культурного наследия: «(1) памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; (2) ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; (3) достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии» [ЮНЕСКО, 1972, p. 2].

Стоит отметить, что решение о том, необходимо ли присудить статус ВКН отдельным памятникам, или всему ансамблю, или достопримечательному месту, принимается индивидуально. Это решение может иметь далеко идущие последствия и изменить реальность, в которой будут существовать не только организации (ЮНЕСКО, некоммерческие и неправительственные организации, занимающиеся вопросами наследия), но и обычные люди, живущие рядом с объектами Всемирного наследия или в их пределах. Это связано в первую очередь с тем, на какую территорию будут распространяться ограничения по строительству, реставрации и т.д.

На основе сказанного сформулирована гипотеза, согласно которой получение статуса объекта ВКН является формой институционализации исторической памяти, а сохранение исторической памяти – главной целью получения статуса.

Методы и материалы

При выборе кейсов для данного исследования было необходимо исходить из возможности сравнения практик получения статуса объекта ВКН в России и за рубежом. Были выбраны два города в России – Великий Новгород и Псков, которые претендовали на приобретение статуса города Всемирного наследия, но получили не его, а альтернативный статус, два похожих города в Германии – Висмар и Штральзунд, тоже не являющиеся столичными городами, находящиеся вблизи крупных экономических и политических центров регионов, относящиеся к малым или средним городам. Эти города входили в Ганзейский союз, в связи с чем в Средневековье обладали схожей городской структурой, которая в той или иной степени сохранилась и по сей день. Объекты на территории Великого Новгорода в 1992 г. получили статус «Исторические памятники Великого Новгорода и окрестностей». Висмар и Штральзунд имеют с 2002 г. статус объектов ВКН «Исторический центр Висмара и Штральзунда» Объекты на территории Пскова приобрели статус ВКН «Храмы псковской архитектурной школы» в июле 2019 г.

Материалами для исследования послужили интервью с представителями городской администрации, локального бизнеса, сотрудниками туристического центра и местными активистами. Интервью в российских городах состоялись в августе 2018 г., в Висмаре и Штральзунде – в январе и феврале 2019 г.

Результаты исследования

Интервью показали, что при подаче заявки на получение статуса ВКН был выявлен ряд основных акторов: представителей городской администрации, местных активистов, представителей локального бизнеса и сотрудников музеев. Эти акторы по-разному влияли на подачу заявки. В Великом Новгороде наибольшее влияние на подачу заявки оказала группа местных активистов и сотрудников музеев, которые отстаивали перед городской администрацией необхо-

димность включения в заявку не отдельных объектов, а всего исторического центра города. Однако в этом им было отказано, в связи с чем в заявку были внесены 37 отдельные объекта. Работники музеев и активисты признали, что провал попыток сохранить аутентичный архитектурный ансамбль привел к тому, что строительство на территории, свободной от объектов ВКН, активно ведется: «Восточные окрестности Новгорода и южные сейчас, уже в наше время, не имея статуса объекта наследия ЮНЕСКО, активно застраиваются безликой коттеджной застройкой, безликими зданиями, и, в общем, нет и тени ансамбля, который был здесь 26 лет назад...» (сотрудник городского музея, Великий Новгород).

Получение указанного статуса было одним из способов сохранения исторического облика Великого Новгорода от хаотичной застройки, противоречащей основной идее исторически сложившегося городского планирования: по первоначальному замыслу из каждой точки города должен быть виден Юрьев монастырь. В данном случае в мотивации местных активистов и сотрудников музеев можно увидеть отсылку к исторической памяти, к тому, как исторически сложилась городская среда. Мотивация же городской администрации была связана в первую очередь с выполнением последующей за постановлением Совета министров СССР «О мерах по обеспечению выполнения обязательств советской стороны, вытекающих из Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» 1989 г. подготовки документов для заявки.

Анализ материалов о Великом Новгороде показал, что историческая память не играла значительной роли в подготовке заявки на получение статуса ВКН. Подача такой заявки являлась продолжением действий, направленных на сохранение исторического ансамбля города, которые были подкреплены постановлением Совета Министров СССР.

В случае Пскова основной мотивацией получения статуса объекта ВКН было привлечение туристов, а не институционализация исторической памяти. Этому также способствовало наличие у города собственных туристических операторов Псков, как и Великий Новгород, первоначально претендовал на получение статуса города ВКН, однако такая заявка не была одобрена. Тем не менее и во второй раз Псков включил в заявку весь исторический центр, хотя первоначально испытывал такое же, как и Новгород, давления со стороны Совета Министров СССР, но после распада СССР это влияние было не таким сильным.

Висмар и Штральзунд подавали совместную заявку на получения статуса ВКН. Обосновывалось это тем, что города объединяет долгая история становления средневековых городов, которые вошли в Ганзейский союз и находились под властью Швеции [Thomas et al., 2000, p. 14]. Исторические центры обоих городов были сравнительно мало разрушены в период Второй мировой войны [Richter, 1996, S.14–17]. Большие «архитектурные потери» города понесли в годы существования ГДР, когда получить финансирование на реставрацию было неоткуда. Дома разрушались, а люди селились чаще в пригородах, в новых пятиэтажных зданиях [Erdmann, 1960, S. 25]. С падением Берлинской стены жизнь в исторических центрах городов возобновилась [Gralow, Huschner, 2018, S. 2]. По словам представителей городской администрации, для граждан стало важным показать мировой общественности, что на востоке Германии сохранились выдающиеся исторические объекты, и оба города начали искать всевозможные источники финансирования.

Штральзунд и Висмар – не единственные ганзейские города, которые сохранили свою городскую структуру. В 1987 г. статус объекта ВКН получил «Ганзейский город Любек» [ICOMOS, 1987, p.1]. Любек и указанные города не могли подать заявку вместе, так как относились к разным государствам (ФРГ и ГДР). Инициатива подачи заявки исходила не от местных активистов, а от городской администрации. Именно включение в заявку городов ГДР наряду с городами ФРГ и стало одним из главных оснований для получения статуса объекта ВКН. При этом ни один представитель администрации из опрошенных в обоих немецких городах не аргументировал ценность объекта как позволяющего сохранить историческую память в целом или память о конкретных событиях, происходивших в городе.

Привлечение финансов на реставрационные работы было важно для всех четырех городов. Однако если активисты в Великом Новгороде полагали, что финансирование будет осуществляться ЮНЕСКО, то акторы в остальных трех городах рассчитывали на инвестиции из средств федерального правительства и бизнес-структур. «Статистически мы можем отметить,

что после получения статуса многие здания входящие в зону наследия реставрируются за счет представителей бизнеса» (сотрудник администрации, Висмар). Такую же ситуацию мы наблюдаем и в России на примере Москвы: «В Москве в 2016 г. за счет средств частных инвесторов было отреставрировано более 80 объектов исторического наследия. А в этом году они хотят больше половины отреставрировать за счет частных денег» (сотрудник администрации, Псков). Это связано с тем фактом, что застройка исторического центра ограничена, что требует от владельцев и пользователей исторических зданий их реставрационных работ.

На финансирование реставрационных работ как со стороны национального правительства, так и со стороны представителей бизнеса повлияло и то, что в немецких городах статус объекта ВКН получил исторический центр города, а Великому Новгороду и Пскову это не удалось.

Эксперты выделили еще три основных преимущества, которые дает статус объекта ВКН:

- 1) гарантирует сохранность культурных комплексов, в том числе посредством организации мониторинга и контроля над состоянием сохранности культурных объектов;
- 2) способствует развитию туризма;
- 3) способствует более заботливому отношению к объектам со стороны горожан (однако не ведет к росту числа местных активистов).

Если говорить о специфике акторов, влияющих на получение статуса объекта ВКН, то в рамках данного исследования было выявлено, что в обеих странах степень вовлеченности местных активистов в проекты по сохранению исторического облика городов в целом снижается с получением объектами статуса ВКН. В Германии приобретение статуса ВКН практически полностью остановило инициативные действия местных активистов по сохранению исторического центра. В России уровень вовлеченности местных активистов в сохранение объектов, получивших статус ВКН, в сравнении с этим уровнем в СССР значительно снизился. Кроме того, в немецких городах активисты представлены в основном жителями от 50 до 70 лет со средним достатком и выше, в Великом Новгороде и Пскове – гражданами от 18 до 35 лет.

Заключение

Представляется крайне сложно отделить исторические ценности от исторической культуры, которая их определяет. Статус объекта ВКН присуждается уже много лет, и акторы, заинтересованные в получении конкретным объектом данного статуса, имеют свои цели, связанные в том числе с исторической памятью. Основной характеристикой исторической памяти служит постоянное обновление ее структуры, обеспечивающие создание идеальной реальности, которая трансформируется в подлинную событийную реальность. Присуждение статуса объекта ВКН является одной из попыток закрепления исторической памяти в определенной ее форме.

Гипотеза, согласно которой получение статуса объекта ВКН оказывается формой институционализации исторической памяти, а сохранение исторической памяти – главной целью получения статуса, была опровергнута. Получение статуса ВКН в рассматриваемых городах России и Германии не означало институционализации исторической памяти. Данный статус позволял городам приобрести экономические блага и символический капитал. Поэтому институтом сохранения исторической памяти его назвать нельзя.

Для всех городов, претендовавших на получение статуса объекта ВКН, было важно найти средства на реставрацию исторического центра. Благодаря присуждению этого статуса историческим центрам немецких городов удалось добиться дополнительного финансирования от федерального правительства или частных инвесторов.

Таким образом, предполагается, что заявки на получение статуса объекта Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО зачастую носят экономический или политический характер, а институционализация исторической памяти посредством получения статуса ВКН служит лишь предлогом.

Библиографический список

- Дмитриева О. О.* Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №. 6 (361). С. 132–137.
- Люббе Г.* Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. Т. 4. С. 108–113.

- Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–65.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: Б.и., 2005. С. 170–220.
- Сафронова Ю. А.* Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. №. 3. С. 12-27.
- Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Б.и., 2007. 348 с.
- ЮНЕСКО. Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия. S.I., 1972. 14 с.
- Armstrong E. A., Crage S.* Movements and Memory: The Making of the Stonewall Myth // American Sociological Review. 2006. Vol. 71. P. 724–751.
- Ashworth G.J.* Heritage, identity and interpreting a European sense of place // Contemporary issues in heritage and environmental interpretation: Problems and prospects. London: The Stationery office, 1998. P. 112–131.
- Ashworth G.J.* Is there a World Heritage? // The urban age. 1997. 4(4). P. 12.
- Bennett P.H.* What is the World Heritage Convention? // Canadian geographical Journal, 1977, 93(3). P. 22-29.
- Cleere H.* Europe's cultural heritage from a world perspective // Sustaining the cultural heritage of Europe. London: ICOMOS UK. 1998. P. 22–33.
- Confino A.* Collective memory and cultural history: Problems of method // The American historical review. 1997. T. 102, №. 5. P. 1386–1403.
- Erdmann G.* Stralsund: Chronik einer Stadt im sozialistischen Aufbau. Stadtarchiv Stralsund, Deutschland. S.I., 1960. 213 s.
- Fredheim L. H., Khalaf M.* The significance of values: heritage value typologies re-examined // International Journal of Heritage Studies. 2016. T. 22, №. 6. С. 466-481.
- Friedland R., Alford R. R.* Bringing society back // Symbols, practices, and institutional contradictions / Eds. WW Powell, PJ DiMaggio; The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago, 1991. P. 232–263.
- Gralow R., Huschner N.* Restaurierung des Gebäudeensembles zum Welt-Erbe-Haus Wismar // Amt für Welterbe, Tourismus und Kultur Hansestadt Wismar. 2018. S. 2–4.
- Huang T. L., Juan H. C. J., Gau H. S., Lee H. J.* Discussing the Value of Collective Memory and Cultural Heritage Based on the Concept of Environmental Development in Taiwan. // 2015 International Forum on Energy, Environment Science and Materials. Atlantis Press, 2015. P. 113–119.
- ICOMOS. The Hanseatic City of Lubeck // World Heritage List. 1987. №272(17). 3 p.
- Jackall R.* Moral mazes: The world of corporate managers // International Journal of Politics, Culture, and Society. 1988. 1(4). P. 598–614.
- Pocock D.* Some reflections on world heritage. Area, 1997, 29(3). P. 260–268.
- Relph E.* Place and placelessness. London: Pion, 1976. 156 p.
- Richter E.* Stralsund und Rügen: Erinnern - Entdecken – Erleben. S. I., 1996, 144 s.
- Thomas F., Volksdorf D., Kuhlowl L., Markfort U., Richter C.* The historic centres of Stralsund and Wismar: World Heritage nomination. Stralsund, 2000. 178 p.
- UNESCO. Operational Guidelines for the World Heritage Committee. 1977. 174 p.
- UNESCO. Statement by Ms. Farida Shaheed, Special Rapporteur in the Field of Cultural Rights at the 25th session of the Human Rights Council. 12 March 2014. Geneva.

Дата поступления рукописи в редакцию 11.08.2019

HISTORICAL MEMORY AND ITS INSTITUTIONALIZATION IN CULTURAL HERITAGE SITES ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND GERMANY

Ju. A. Eremenko

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Sed'maya Krasnoarmeyskaya str., 25/14, 191005, St. Petersburg, Russia
eremenko.iuliia@gmail.com

The World Cultural Heritage (WCH) status is awarded to sites on the basis of criteria that record the specific historical segment to which the site belongs. In the paper, the author analyses the role historical memory plays in the process of applying for the status of the WCS object. The main question is whether the recognition of the status of WHC is a way to show the value of preservation of historical memory or not. The author uses expert interviews with representatives of the city administration, local businesses, employees of the tourist centers, and local activists, collected in two Russian (Veliky Novgorod and Pskov) and two German cities (Wismar and Stralsund) as sources for the study. The research has shown that obtaining the status of WHC is aimed among other things at preserving historical memory. However, this is not a primary goal of the actors. The initial purpose of obtaining the status of the WCH for the city administration in Russian cases was to fulfill the order given from above. For German cities, the status of the WCH was primarily of symbolic value; it confirmed that those cities located on the territory of the GDR had the same cultural value as the cities on the territory of the Federal Republic of Germany.

Key words: Historical memory, Cultural Heritage, World Heritage Sites, World Heritage Cities, historical monuments.

References

- Armstrong, E. A. & S. Crag (2006), "Movements and Memory: The Making of the Stonewall Myth", *American Sociological Review*, Vol. 71, pp. 724–751.
- Ashworth, G.J. (1997), "Is there a world heritage?", *The urban age*, № 4(4), p. 12.
- Ashworth, G.J. (1998), "Heritage, identity and interpreting a European sense of place," in Uzzell D. & R. Ballantyne (eds.), *Contemporary issues in heritage and environmental interpretation: Problems and prospects*, The Stationery office, London, UK, pp. 112-131.
- Bennett, P.H. (1977), "What is the world heritage convention?", *Canadian geographical Journal*, № 93(3), pp. 22-29.
- Cleere, H. (1998), "Europe's cultural heritage from a world perspective," in *Sustaining the cultural heritage of Europe*, ICOMOS UK, London, UK, pp. 22-33.
- Confino, A. (1997), "Collective memory and cultural history: Problems of method", *The American historical review*, № 102(5), pp. 1386-1403.
- Dmitrieva, O. O. (2015), "Historical memory and the mechanisms of its formation: an analysis of historiographic concepts in Russian science", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 6 (361), pp. 132-137.
- Erdmann, G. (1960), *Stralsund: Chronik einer Stadt im sozialistischen Aufbau*, Stadtarchiv Stralsund, Deutschland, 213 s.
- Fredheim, L. H. & M. Khalaf (2016), "The significance of values: heritage value typologies re-examined", *International Journal of Heritage Studies*, Vol. 22, №. 6, pp. 466-481.
- Friedland, R. & R. R. Alford (1991), "Bringing society back in: Symbols, practices, and institutional contradictions", in Powell, W.W. & DiMaggio P.J. (eds.), *The New Institutionalism in Organizational Analysis*, University of Chicago Press, Chicago, USA, pp. 232–263.
- Gralow, R. & N. Huschner (2018), "Restaurierung des Gebäudeensembles zum Welt- Erbe-Haus Wismar", *Amt für Welterbe, Tourismus und Kultur Hansestadt Wismar*, s. 2-4.
- Hal'vaks, M. (2007), *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social memory framework], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, 348 p.
- Huang, T. L., Juan, H. C. J., Gau, H. S. & H. J. Lee (2015), "Discussing the Value of Collective Memory and Cultural Heritage Based on the Concept of Environmental Development in Taiwan", in *2015 International Forum on Energy, Environment Science and Materials*, Atlantis Press, USA, pp. 113-119.
- Jackall, R. (1988), "Moral mazes: The world of corporate managers", *International Journal of Politics, Culture, and Society*, № 1(4), pp. 598-614.
- Lyubbe, G. (1994), "Historical identity", *Voprosy filosofii*, № 4, pp. 108-113.
- Nora, P. (1999), "Mezhdu pamyat'yu i istoriey. Problematika mest pamyati", in *Frantsiya-pamyat'* [France – memory], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, St. Petersburg, Russia, pp. 17–65.
- Operational Guidelines for the World Heritage Committee* [1977], UNESCO, 174 p.

- Pocock, D. (1997), "Some reflections on world heritage", *Area*, № 29(3), pp. 260-268.
- Relph, E. (1976), *Place and placelessness*, Pion, London, UK, 156 p.
- Richter, E. (1996), *Stralsund und Rügen: Erinnern - Entdecken – Erleben*, Verl. Das Beste, Stuttgart; Zürich; Wien, Deutschland; Schweiz, Österreich, 144 s.
- Safronova, Y.A. (2018), "Third wave of memory studies: Twenty-three years against wool", *Politicheskaya nauka*, № 3, pp. 12-27.
- Savel'eva, I. M. & A. V. Poletaev (2005), "'Historical memory": on the question of the boundaries of the concept", in Savel'eva, I. M. & A. V. Poletaev (eds.), *Fenomen proshlogo* [The phenomenon of the past], GU–VSHE, Moscow, Russia, pp. 170–220.
- Statement by Ms. Farida Shaheed, Special Rapporteur in the Field of Cultural Rights at the 25th session of the Human Rights Council. 12 March 2014. Geneva [2014], UNESCO.*
- The Hanseatic City of Lubeck* (1987), World Heritage List, №272 (17), 3p.
- Thomas, F., Volksdorf, D., Kuhlow, L., Markfort, U. & C. Richter (2000), *The historic centres of Stralsund and Wismar: World Heritage nomination*, Stralsund, Deutschland, 178 s.